

УДК 008: 821.161.1.09
DOI 10.17223/22220836/19/2

Е.Г. Серебрякова

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ДИССИДЕНТОВ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Автор предлагает культурологический подход к литературно-публицистическому наследию диссидентов. Он, по мнению исследователя, может заключаться в изучении специфики диссидентского дискурса, свойственного не только текстам, но и мировосприятию диссидентов. Исследование поведенческих моделей, зафиксированных в текстах неконформистов и реализованных в социальной практике, выявление механизмов создания поведенческой нормы и образца – эти научные проблемы также входят в круг внимания культуролога.

Ключевые слова: диссиденты, неконформисты, диссидентский дискурс, поведенческие модели.

Культурология, как динамичная и развивающаяся дисциплина, неустанно ищет новые направления интеллектуальной рефлексии. В 1990-е г., в пору своего становления, наука проходила путь самоопределения, а значит, должна была определиться с базовыми понятиями, выявить онтологические особенности объекта исследования, уточнить категориальный аппарат и проч. Этой задаче соответствовала разработка фундаментальных проблем – исследование культурных процессов и явлений, возникающих в результате социокультурных закономерностей определенной исторической эпохи. Сегодня научный поиск сместился в сторону прикладных исследований – прогнозирования социокультурной динамики и управления деятельностью культурных институтов и общественных организаций. Но и внутри фундаментального направления наметилось переосмысление базовых категорий: по справедливому мнению Л.П. Репиной, концепции социальной структуры, культуры и индивида перестают рассматриваться как некие отделенные друг от друга сущности и понимаются как взаимосвязанные аспекты человеческого поведения и социального взаимодействия. Соответственно, одной из задач культуролога становится выявление того, «каким образом субъективные представления, мысли, способности, интенции индивидов действуют в пространстве возможностей, ограниченном созданными предшествовавшей культурной практикой коллективными структурами, испытывая на себе их постоянное воздействие» [1. С. 131]. Методологическую значимость в таком случае приобретают понятия «поведенческие практики», «взаимодействие», «личностные стратегии», «репрезентации» и «дискурс».

Новые исследовательские позиции делают актуальным дополнительный анализ некоторых периодов отечественной культуры, казалось бы наиболее близкой и известной, – советской. В ней сохраняется неосвоенная «terra incognita» – культурное наследие неконформистов 1960–1970-х гг.

При этом упреки в абсолютном научном пренебрежении контркультурой «оттепели» излишни. Потребность заполнить тематические лакуны ясно ощущали филологи, даже в «застойные» годы пытавшиеся, по мере возможностей, выявлять различные парадигмы развития советской литературы и анализировать художественный процесс во всей полноте явлений. Благодаря их усилиям творческое наследие А. Солженицына, И. Бродского. В. Аксёнова и других «запрещённых» авторов сохранялось в общественном и научном сознании. Однако сам- и тамиздат как феномен литературной жизни оставались за пределами научного анализа и по сей день получили осмысление лишь частично: составлена антология самиздата, восстановлена история неподцензурных журналов, представлена их классификация, оценено качество текстов и проч. При этом монографического исследования феномена до сих пор нет.

Отечественные историки обратились к изучению неонконформизма в постсоветский период, явно уступив приоритет публицистам и самим диссидентам, всегда плодотворно занимавшимся самоописанием и рефлексией. За последние 20 лет историками были осмыслены механизмы взаимодействия власти и диссидентства (А.И. Лушин, А.Б. Безбородов), логика функционирования политической цензуры (Т.М. Горяева), описаны этапы и классифицировано «движение протеста» (Л.М. Алексеева, Л.А. Королева, А.Н. Молькин). При этом учёные неизбежно обращались к литературно-публицистическому наследию диссидентов для иллюстрации основных положений научных изысканий: опирались на воспоминания участников протестного движения, использовали материалы хроник судебных процессов над диссидентами для подкрепления выводов о механизмах государственного подавления инакомыслия. Но феномен диссидентского дискурса, аксиология неонконформизма, механизм формирования нормативной поведенческой модели и другие проблемы не могли получить освещения в историографии в силу их специфически культурологического характера.

Культурологи, как и историки, обратились к анализу культуры неонконформизма лишь во второй половине 1990-х гг. Одной из первых попыток научного осмысления проблемы взаимодействия официальной и контркультуры 1970-х гг. стал сборник статей «"Семидесятые" как предмет истории русской культуры» [2]. Несмотря на некоторый эклектизм материалов (воспоминания деятелей андеграунда о художественном процессе и повседневной жизни соседствуют с научными статьями и культурной хроникой 1970-х гг.), коллективное исследование стимулировало дальнейшее изучение явления и выявило направление научного поиска.

В начале XXI в. интерес отечественных авторов к изучению темы неофициальной культуры усилился. В сфере внимания оказались «другое» искусство, феномен сам- и тамиздата. Заметной работой, созданной в это время, стал сборник «Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое» – историко-культурный и культурологический анализ данного периода, в том числе его неофициальной сферы [3]. Однако литературно-публицистическое наследие неонконформистов осмысливается здесь в качестве сопутствующего явления, как элемент неофициального культурного пространства. При том обилии литературно-публицистических текстов, что оставили нам

нонконформисты и наиболее радикальная их часть – диссиденты, такой взгляд на явление явно недостаточен.

Во второй половине 1990-х – 2000-е гг. выходит в свет ряд переводов монографий зарубежных исследователей, посвящённых истории культуры советского периода. Среди них можно выделить работы В. Эггелинга [4], Д. Кречмара [5], К. Аймермахера [6]. Данные работы характеризуются высоким уровнем научной проработанности исследуемой темы и взвешенностью оценок. Однако западным исследователям не всегда удается освободиться от культурных и идеологических мифов, транслируемых самими диссидентами, высланными на Запад. Примером может служить книга Ф. Буббайера «Совесть, диссидентство и реформы в Советской России» [7]. Учёный, вероятно, исходил из следующих базовых позиций, типичных для западного сознания: диссиденты – борцы с тоталитарным режимом, их деятельность носила жертвенный характер и была созвучна западным ценностям. Автор явно солидаризировался с морально оправданной социальной практикой своих героев. Дискурс был задан этим подходом: в авторской позиции аналитика сочетается с апологетикой. Кроме того, при научной рефлексии над инородным культурным явлением происходит переход автора из одной культурной системы в другую (из европейской – в советскую), что неизбежно приводит к деформации семантики явления, подобно тому как ни один, даже блистательный переводчик не может похвастать абсолютно точным эквивалентом оригинала.

Следует признать, в культурологии практически не создано крупных научных трудов, в которых литературно-публицистическое наследие диссидентов рассматривалась бы как целостное культурное явление. Кроме того, тексты диссидентов мало исследованы с собственно культурологических позиций: с точки зрения механизмов формирования и функционирования поведенческих моделей, образующих постепенно норму социальной и личностной практики. Аксиология нонконформистов, ценностная иерархия различных форм общественной активности, личностная стратегия, специфика диссидентского дискурса не могут получить полного и всестороннего анализа без привлечения литературно-публицистического наследия. Эти соображения вызывают потребность дополнительного научного осмысления феномена и формируют цели и задачи данной статьи: выявить мотивы обращения диссидентов – сообщества, ориентированного на общественную деятельность, к литературно-публицистическому творчеству; определить место писательской практики в ценностной иерархии других форм социальной активности; охарактеризовать специфику диссидентского дискурса и нормативную модель гражданского поведения, зафиксированную в текстах и внедрявшуюся в социальную практику.

Объём текстов, оставленных диссидентами, может показаться поразительным, если учесть испытанную ими степень политического давления и репрессий. По наблюдению А. Даниэля, «в архиве Научно-информационного и просветительского центра “Мемориал” содержится приблизительно 25 тыс. документов, общим объёмом около 200 тыс. листов по истории диссидентства, и подавляющая часть этих материалов – тексты самих диссидентов. В будапештском Институте истории послевоенного коммунизма и холодной войны при Центрально-Европейском университете, куда пере-

ехал бывший архив Отдела Самиздата Исследовательского института Радио Свобода/Свободная Европа, этих текстов ещё больше» [8. С. 115]. Однако удивительная творческая плодовитость имеет своё объяснение: поставленные властью в положение культурных маргиналов, испытывая не только социальную, но и информационную дискриминацию, диссиденты нашли адекватную форму противодействия – словесную. Писательская практика в ценностной иерархии приравнивалась к общественной.

Диссиденты в литературно-публицистической деятельности стремились решить несколько задач:

- интеллектуальную – осмыслить причины социально-политических неудач, смоделировать возможные варианты развития страны («почвенническую», либерально-демократическую и др.), спрогнозировать перспективы;
- информационную – дать полные сведения о целях и задачах, преследуемых в своей социальной деятельности, позволить читателю самостоятельно делать выводы о гражданской и нравственной состоятельности их акций;
- идеологическую – склонить общественное мнение в пользу неконформистов, лишённых права голоса на страницах официальной печати;
- нравственно-этическую – разоблачить несправедливый характер обвинений в их адрес как «внутренних врагов», «пособников империализма»;
- социальную – мобилизовать граждан к борьбе за права личности и социальное оздоровление;
- практическую – представить соотечественникам и мировой общественности материал, способный затруднить карательные меры в их адрес. Очевидно, что объём печатной продукции был равно пропорционален социальной значимости автора: «именитого» диссидента, снискавшего известность на Западе своими публикациями, было труднее уничтожить, нежели безвестного. В таком случае возникал более предпочтительный для обеих сторон выход – высылка виновника многократных скандалов или его добровольно-принудительная эмиграция.

Задачи рождали авторскую стратегию: защиту единомышленников и дискредитацию идейных противников. А значит, литературно-публицистическое высказывание превращалось в акт социальный и становилось продолжением общественной деятельности. Текст наделялся в большей степени социальными полномочиями, чем литературными. Этим объясняется высокая степень идеологической заряженности и художественная неоднородность представленных в сам- и тамиздате материалов. Диссиденты, позиционирующие себя не только в качестве общественных деятелей, но и авторов художественных текстов (Н. Горбаневская, Ю. Галансков и др.), не смогли реализовать творческие дарования в полной мере, были вынуждены подчинять художественные интенции социальным практикам.

Сфера функционирования также определяла характер высказывания. Если в первые годы «оттепели», на рубеже 1950–1960-х гг., автор (А. Солженицын, Г. Померанц и др.) мог печататься как в официальных, так и в неофициальных изданиях, то уже во второй половине 1960-х – 1970-х гг. такие акции были весьма затруднительны: однажды опубликовавшись в неподцензурном журнале или за рубежом, он едва ли сумел бы вернуться в официальную печать. Консервация с обеих сторон объяснялась опасениями инфильтрации:

в условиях ожесточавшегося идеологического противостояния герметизация означала сохранность собственных позиций. Однако результат был драматичен: для официальной культуры он означал обеднение интеллектуальной и творческой жизни, дальнейшую идеологизацию и добровольное отсечение возможных путей развития. Контркультура, благодаря функционированию в сам- и тамиздате, смогла сохранить многие культурные артефакты, но значимость текстов не всегда была высокой и в целом уступала общему уровню легальной культуры тех лет.

Социокультурная маргинальность определяла герметизм сознания и рождала особый диссидентский дискурс, основанный на бинарных оппозициях «нонконформисты» – «власть», «социально активный индивид» – «общественно пассивное население», «духовно свободный диссидент» – «идеологически порабощённый народ» и т. д. Тексты формировали способ объяснения мира и человека и поведенческую модель, ориентированную на практическую реализацию. Защита «своих», гласность, массовость, метод «опережающего удара» – эти тактические приёмы интеллектуально осмысливались в публицистических материалах и применялись в социальной практике. Чувство единства внутри сообщества приводило не только к созданию фондов помощи политзаключённым, семьям арестованных, но и к изданию всевозможных брошюр и памяток (В.Я. Альбрехт. «Как быть свидетелем», «Как вести себя на обыске»). Воспоминания диссидентов (В. Буковский. «И возвращается ветер...», А. Амальрик. «Записки диссидента» и др.) также содержат подробные рекомендации такого рода. Требования гласности и массовости реализовывались в различных акциях: демонстрациях протеста/защиты, присутствия единомышленников во время обыска, у стен зала суда во время уголовного процесса над диссидентами и проч. Все действия немедленно освещались в «Хронике текущих событий». Как видим, герценовский принцип «Слово есть дело» получал у диссидентов буквальное толкование и действенное воплощение.

В этом смысле показательна модель мира и человека, зафиксированная в воспоминаниях, пожалуй, одном из самых разработанных жанров в наследии диссидентов (в библиотеке общества «Мемориал» сегодня хранится 300 единиц мемуарной литературы). Казалось бы, неповторимая личностная судьба, изложенная в тексте, должна породить столь же непохожую сюжетную историю. На первый взгляд так оно и есть.

А. Солженицын в книге «Бодался телёнок с дубом» (1975 г.) повествует историю своих взаимоотношений с редакцией «Нового мира». А. Марченко («Мои показания» (1969 г.) рассказывает о положении политзаключённых в советских тюрьмах, В. Буковский («И возвращается ветер...» (1978 г.) – об использовании психиатрии в репрессивных целях, В. Орлов («Опасные мысли» (1990 г.) – о противостоянии правозащитников советской системе. П. Григоренко («В подполье можно встретить только крыс...» (1981 г.) – об обращении стойкого коммуниста в диссиденты. Однако при разнообразии тем авторы создают однотипную модель мира, исчерпывающуюся несколькими умозаключениями:

1. Советское государство бесчеловечно. Оно изобретательно в способах подавления свободной воли и независимого ума.

2. Советская власть исторически бесперспективна, обречена с момента возникновения.

3. Современный период советской истории – время стагнации. Колосс на глиняных ногах рухнет при активном сопротивлении граждан.

4. Советский народ одурманен пропагандой, но начинает медленный путь духовного освобождения и всё активнее поддерживает инакомыслящих в их борьбе.

5. Мировая общественность и советский народ должны знать борцов с режимом поимённо: перечисление имён единомышленников – обязательный элемент воспоминаний диссидентов.

6. История движется поступательно, нравственная правота и социальная справедливость на стороне инакомыслящих, следовательно, победа будет на их стороне.

Стандартизированное мышление рождает однотипные повествовательные мотивы и сюжетные ходы в автобиографиях диссидентов: «прозрение» (у Буковского – в школе, у Орлова – в институте, у Солженицына – на фронте), этический позыв вступить в борьбу (неприятие лживой идеологии, реставрация сталинизма), первый поединок, приведший к крутому повороту судьбы (у Орлова – потеря работы, у Буковского – исключение из вуза, у Григоренко – из партии), «кошки-мышки» с режимом, нравственная стойкость в заключении и высылка из страны как этап непрекращающейся борьбы с советской властью.

Характерно, что ради этой концептуально выстроенной схемы автор может нарушить один из принципов документалистики – «анализ действительности равен художественному образу этой действительности» [9. С. 49]. Например, А. Солженицын («Бодался телёнок с дубом») отступает от «правды жизни» и создаёт фактически фальсифицированную историю своих взаимоотношений с Твардовским и редакцией «Нового мира». Сюжет книги базируется на мифологическом компоненте – «мифе творения», с его обязательными элементами: «инициация» – публикация первого рассказа; «борьба с сакральной фигурой отца» – Твардовским; «искушение» – несостоявшееся присуждение Ленинской премии; «борьба с inferнальными силами» – Союзом писателей, КГБ и другими властными структурами; «помощь волшебных помощников» – жены, единомышленников, сочувствующих граждан, мировой общественности; «победа» – свободная жизнь за границей. Мифологическая составляющая позволяет глубже осмыслить логику автора: себя он позиционирует как «культурного героя», современного Прометея – разрушителя старого миропорядка и создателя нового. Героическая модель поведения, зафиксированная с помощью мифологического кода, предполагает открытое противоборство, жертвенное служение правде – эти коннотации архетипа «культурного героя» соответствуют самоидентификации автора. Впрочем, героическая модель социального поведения не исключает использования тактических приёмов «трикстера» – плута и мошенника. Владение техникой «ускользания» от преследователей, «непонимания», «обмана» врагов так же необходимо «культурному герою», как навыки прямого столкновения. Игровое, состязательное начало в поведенческих моделях диссидентов неоднократно фиксировалось самими диссидентами в их воспоминаниях

(Солженицын, Амальрик, Орлов, Буковский, Григоренко) и исследователями (А. Даниэль) [8. С. 122–123].

Использование мифологического компонента в воспоминаниях, документальном по природе жанре, выявляет стремление автора, рассказав свою персональную биографию, создать образцовую модель поведения, годную к тиражированию. Читатель должен был понимать, как делается жизнь диссидента, ориентироваться на предложенную поведенческую схему как на образец для подражания.

Характерным свойством воспоминаний диссидентов является исключение из рефлексии автора-повествователя темы кризиса идентичности, неизбежного, казалось бы, в случае потери социального статуса. Правда, молодое поколение диссидентов зачастую не получало возможности социализироваться, как Буковский, Галансков, Гинзбург, исключённые из вузов за правозащитную деятельность. Но старшее поколение, как правило, к моменту начала диссидентской активности обладало определённым социальным статусом: Орлов был доктором физико-математических наук, академиком Армянской АН, Григоренко – генералом, заведовал кафедрой в Академии Генерального штаба. Да и как бы ни разнилось социальное положение участников диссидентского движения, трудно предположить, что репрессии не вызывали у них психологического кризиса, сопряжённого с потребностью найти себя в социальном статусе изгоя, провоцирующего желание восстановить утраченные позиции. Однако ничего подобного нет в мемуарах диссидентов, напротив, настойчиво декларируется мысль о добровольном, осознанном выборе положения маргинала, нравственно более ценном и предпочтительном, чем конформизм. Такая самоидентификация свидетельствует о стремлении автора не столько рассказать подлинную историю своей жизни, сколько утвердить в сознании читателя «образцовую биографию» диссидента. Действительно, реальные события личной жизни героев для массового сознания не назовёшь иначе чем катастрофическими. А значит, для привлечения читателя на свою сторону необходимо акцентировать этическую составляющую неконформистской деятельности, вызвать уважение к нравственному выбору героя в пользу правды и совести в ущерб социальному благополучию.

Как видим, авторская стратегия при создании воспоминаний всякий раз соответствовала задаче реабилитации диссидентов в глазах современников, стремлению утвердить отличную от официальной трактовку нравственной и социальной мотивации их общественного поведения.

Социальный опыт диссидентов, этого весьма неоднородного по идейным ориентациям и художественным поискам сообщества, аккумулировался по мере обретения всё новых форм общественной активности (петиционные кампании, демонстрации протеста, неподцензурные издания, составление отчётов о судах над диссидентами и проч.). Реализуясь на практике, он проходил селекцию: одни поведенческие навыки отмирали, другие, как наиболее значимые в ценностной иерархии и социально эффективные, становились образцом и постепенно формировали поведенческую норму. Нормативное поведение, в свою очередь, закреплялось в наглядных формах, в частности в литературно-публицистических текстах, внедрялось в социальную практику

и систему межличностной, внутригрупповой и социальной коммуникации. Так процессы формирования поведенческой нормы определяли основные формы деятельности и взаимодействия диссидентов, в конце концов сложились в системообразующее ядро неконформистской культуры.

Литература

1. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М. : Кругъ, 2011. 559 с.
2. РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 1 [9] : «Семидесятые» как предмет истории русской культуры / ред.-сост. К.Ю. Рогов. М. : О.Г.И. , 1998. 304 с.
3. Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое / редкол. : Н.М. Зоркая и др. СПб. : Алетей, 2001. 350 с.
4. Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. М. : РОССПЭН, 2010. 367 с.
5. Эггелинг В. Политика и культура при Хрущёве и Брежневе. 1953–1970 гг. М. : АИРО-XX, 1999. 310 с.
6. Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. М. : АИРО-XX, 1997. 316 с.
7. Аймермахер К. От единства к многообразию : Разыскания в области «другого» искусства 1950–1980-х гг. : сб. ст. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2004. 374 с.
8. Даниэль А.Ю. Диссидентство: культура, ускользающая от определений? // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 1 [9] : «Семидесятые» как предмет истории русской культуры / ред.-сост. К.Ю. Рогов. М., 1998. С. 111–125.
9. Местергази Е.Г. Литература non-fiction/non-fiction // Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. М., 2007. 327 с.

Serebryakova Elena G. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: Serebrjakova@hpi.vsu.ru. DOI 10.17223/22220836/19/2

THE LITERARY-PUBLICISTIC HERITAGE OF DISSIDENTS AS OBJECT OF CULTUROLOGICAL STUDIES

Key words: dissidents, nonconformists, dissident's discourse, models of behavior.

The author proposes a cultural approach to the literary-publicistic heritage of the dissidents – the study of the specifics of the dissident discourse characterized not only texts, but also the perception of the world. The study of behavioral models in the texts of nonconformists which are realized in social practice, the identification of mechanisms for establishing the behavioral norms and patterns - these scientific issues are also included in the circle of culturological attention

The aims of this article are revealing the motives of dissidents' reference to the literary and journalistic creativity; determining the place of writer's practice in the hierarchy of values of other forms of social activities; characterizing the specificity of the dissident discourse and normative model of civic behavior, described in texts and appeared in social practice. The objects of investigation are dissidents' memories.

The article names the reasons for dissidents' reference to the literary work: intellectual, informational, ideological, moral-ethical, social and practical. The author makes the following conclusion: the specificity of the dissident's discourse is caused by social significance of their texts. The literary-publicistic activity was on a par with social one in the hierarchy of other forms of dissident activities. The ideal personal behavioral model is described in the dissidents' memories. The methods of its creation can be different: Solzhenitsyn uses the myth in his book "Oak and the Calf", he identifies himself with a "cultural hero", Modern Prometheus, who destroys the old and creates a new world order. Other dissidents (Bukovsky, Orlov, Grigorenko) delete a motif of an identity crisis from their narrative, claiming the moral significance of the status of the social outcast.

The ideal behavioral model, given in the texts, was included in the social practice and it defined the dissident's behavior.

References

1. Repina, L.P. (2011) *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [History at the turn of the 20th–21st centuries: social theories and historiographical practice]. Moscow: Krug".
2. Rogov, K.Yu. (ed.) (1998) *ROSSIYA / RUSSIA. 1* [9]: «Semidesyaty» kak predmet istorii russkoy kul'tury [RUSSIA / RUSSIA. Vol. 1 [9]: «The Seventies» as the subject of History of Russian Culture]. Moscow: O.G.I.
3. Zorkaya, N. (ed.) (2001) *Khudozhestvennaya zhizn' Rossii 1970-kh godov kak sistemnoe tseloe* [The artistic life of Russia of the 1970s as a systemic whole]. St. Petersburg: Aleteyya.
4. Bubbayer, F. (2010) *Sovest', dissidentstvo i reformy v Sovetskoy Rossii* [Conscience, dissidence and reform in Soviet Russia]. Moscow: ROSSPEN.
5. Eggeling, V. (1999) *Politika i kul'tura pri Khrushcheve i Brezhneve. 1953–1970 gg.* [Politics and Culture under Khrushchev and Brezhnev. 1953–1970]. Moscow: AIRO-XX.
6. Kretschmar, D. (1997) *Politika i kul'tura pri Brezhneve, Andropove i Chernenko. 1970–1985 gg.* [Politics and Culture under Brezhnev, Andropov and Chernenko. 1970–1985]. Moscow: AIRO-XX.
7. Aymermaher, K. (2004) *Ot edinstva k mnogoobraziyu: Razyskaniya v oblasti «drugogo» iskusstva 1950–1980-kh gg.* [From the unity to diversity: Researches in the field of “another” art in 1950–1980]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
8. Daniel', A.Yu. (1998) Dissidentstvo: kul'tura, uskol'zayushchaya ot opredeleniy? [Dissidence: Culture eludes definition?]. In: Rogov, K.Yu. (ed.) *ROSSIYA / RUSSIA. 1* [9]: «Semidesyaty» kak predmet istorii russkoy kul'tury [RUSSIA / RUSSIA. Vol. 1 [9]: “The Seventies” as the subject of History of Russian Culture]. Moscow: O.G.I. pp. 111–125.
9. Mestergazi, E.G. (2007) *Literatura non-fikshn/non-fiction Eksperimental'naya entsiklopediya. Russkaya versiya* [Literature non-fiction. Experimental encyclopedia. The Russian version]. Moscow: Sovpadenie.